

Константин БЕЛОУСОВ

г. Петрозаводск

ЛИЦЕВИСТ ≠ ФАШИСТ

Дело о несостоявшемся процессе

Современная Конституция Республики Карелия содержит положение о том, что исторические и национальные особенности республики определяются проживанием на её территории карелов. Республика Карелия является национально-государственным образованием, в границах которого самоопределилась национальная общность, отличающаяся своеобразием языка, культуры и быта (карелы). Коренными народами Республики Карелия являются также русские и вепсы. Согласно итогам Всероссийской переписи 2002 года в республике проживает 65 561 карел и 4 870 вепсов, что составляет 9,16% и 0,7% соответственно от всего населения республики. Органы государственной власти и местного самоуправления Республики Карелия, общественные организации объединяют усилия для дальнейшего этнокультурного развития коренных народов Карелии, для создания правовой базы по дополнительной защите прав карелов и вепсов. Таковы современные подходы к определению исторических и национальных особенностей Карелии и государственной политики в этой сфере.

Судьба развития и сохранения карельского ли-

тературного языка в 1920–1930-е гг. показала, что в условиях обострения политической борьбы в государстве и обществе казалось бы далекий от социальных потрясений «языковой вопрос» может служить достижению конкретных политических целей и задач.

С начала 1920-х гг. на территории Карельской Трудовой Коммуны наряду с русским, традиционным для карелов языком образования и культуры, использовался финский язык. Первоначально он использовался финнами и северными карелами, говорящими на собственно карельском наречии. Культурным языком южной Карелии был русский. Значительную роль при выборе финского в качестве литературного языка карелов в эти годы сыграли финские эмигранты-коммунисты. Карельские диалекты в Финляндии традиционно рассматривали как часть финского языка, и такое представление укоренилось и среди руководства Советской Карелии. Оно, по сути, ставило своей задачей постепенное введение финского языка для всех карелов. Её успешное выполнение подкреплялось развитием издательской деятельности на финском языке.

6 марта 1922 года после подавления антисоветских выступлений в Беломорской Карелии положение дел в этом регионе было рассмотрено в ЦК ВКП(б). По докладу Эдварда Гюллинга оргбюро ЦК приняло решение о направлении на партийную работу в Карелию финских коммунистов, треть всех расходов на просвещение отводилась на нужды финноязычного просвещения, финский язык был определен как равноправный наряду с русским; национальная прослойка была укреплена за счет переселения карелов из Тверской и Новгородской губерний.

Позднее, в августе 1922 года, петроградский финн Адольф Тайми, член Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), обвинил Гюллинга в том, что он представляет силы, желающие создать «Великую Финляндию», и желает добиться для Карелии независимого от России положения. В основе такого обвинения была уже известная на тот момент центральным партийным органам информация о том, что финны – руководители Советской Карелии – связывают будущее республики с образованием «красной великой Финляндии». С точки зрения центра в этом присутствовала изрядная доля сепаратизма.

В Тверской губернии уже в начале 1930 года было принято решение о переводе культурной работы на «карело-финский язык», а в марте того же года совещание Наркомпроса РСФСР одобрило предложение известного ученого Д. Бубриха о создании для тверских карел собственного литературного языка на основе говора с. Толмачи и латинского алфавита. Школьное же обучение на карельском языке началось у тверских карел в 1930/1931 учебном году.

Разработка единого карельского литературного языка началась в конце 1936 года. Инициаторами выступили научные учреждения, в первую очередь Институт языка и мышления им. Марра, финно-угорскую секцию которого возглавлял Д. Бубрих. Принятие политического решения было отложено до 17 июня 1937 года, когда XI Всекарельский съезд Советов утвердил первую Конституцию Карельской АССР, провозгласившую карельский язык третьим государственным, наравне с русским и финским.

К практической работе по созданию единого литературного языка приступили на проведенной в августе 1937 года в Петрозаводске лингвистической конференции. Она одобрила доклады Д. Бубриха о грамматических нормах карельского литературного языка и руководителя лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК) М.М. Хя-

мяляйна о развитии терминологии и унификации словаря.

Правила правописания единого литературного языка были разработаны уже к январю 1938 года и обсуждены на совещании, проведенном в ленинградском отделении Института языка и письменности народов СССР. Эти правила уже в феврале 1938 года утвердил Наркомпрос РСФСР. Для развития терминологии была создана специальная комиссия, председателем которой был 2-й секретарь Карельского обкома ВКП(б) тверской карел Д.П. Смирнов.

К весне этого же года комиссия опубликовала списки терминов общественно-политической жизни, грамматики, математики и естественных наук, предназначенные для учителей и переводчиков. Работа над созданием единого карельского литературного языка приобрела поистине ударные темпы. К осени 1938 года начался новый этап развития карельского языка и письменности. Изменения заключались в том, что вместо предназначенного для всех карелов Союза ССР литературного языка началась разработка литературной нормы для Карелии.

Главной причиной изменения стратегических установок стало существенное изменение политической ситуации. К этому времени органы безопасности Карелии успешно выполнили задачу по разгрому финских «буржуазных националистов» и других «врагов народа». ¹ Руководители Карельской АССР Густав Ровио и Эдвард Гюлинг были сняты со своих постов, а позднее как «лидеры антисоветской фашистской буржуазно-националистической группировки» расстреляны.

На основании поручений НКВД Карельской АССР 7 сентября 1938 года сотрудниками Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области был арестован М.М. Хмяляйна, а 7 ноября 1938 года сотрудниками НКВД Крымской АССР арестован находящийся на отдыхе в ялтинском санатории «Красное знамя» Д.П. Смирнов. ² Вскоре им предъявили обвинение в совер-

¹ Б.А. Старков указывает, что количество уголовных дел с политической окраской в 1935–1940 гг. составило 13 075, по которым проходило 15 897 человек, к высшей мере осуждено 10 650 чел. См.: Старков Б. Инструментарий национальной политики ВКП(б) и его применение. // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. – Петрозаводск, 1998. С. 92.

² Информационное письмо УФСБ России по Республике Карелия от 28 февраля 2009 г., рег.№ 11676/10н по архивному уголовному делу П-7209 в отношении М.М. Хмяляйна, Д.П. Смирнова и др. обвиняемых по ст. 58-7;58-10;58-11 УК РСФСР.

шении преступлений, предусмотренных ст. 58-7; 58-10; 58-11 УК РСФСР.³

В одной из анкет арестованного указано, что Хмяляйнен Матвей Михайлович родился 3 октября 1903 года в дер. Лукаши Красногвардейского района Ленинградской области, по национальности – финн, по социальному происхождению – из крестьян-бедняков, окончил педагогический институт им. Герцена в Ленинграде, на воинском учете не состоит (снят по инвалидности), репрессиям со стороны советской власти не подвергался. Состав семьи: жена – Елисеева Клавдия Андреевна, педагог, проживает в Ленинграде, дети: Екатерина, 4 года; Юрий – 2 года. Родители Хмяляйнена проживали в дер. Лукаши, отец – Хмяляйнен Михаил Матвеевич, 65 лет, мать – Хмяляйнен Сара Ивановна, 58 лет. Брат Михаил, 16 лет, учился в ФЗУ г. Ленинграда.

О Дмитрие Петровиче Смирнове известно, что он родился в семье крестьянина-середняка, в 1906–1911 гг. учился в русской начальной школе, в 1913–1916 – в ремесленной школе, ученик столяра; 1916–1917 – мастер-столляр; 1918–1921 – служил в РККА; после демобилизации – на партийной работе – до 1925 года на Украине; потом в Башкирии до 1930 года, затем – решением ЦК направлен в Казахскую республику до августа 1937, затем – в Карелию. Член ВКП (б) с октября 1918 г. Семья: жена – Смирнова Вера Иосифовна, домохозяйка; дочь Таисия, 1923 г.р., проживали в Петрозаводске.

Эти люди, по оценке органов НКВД, возглавили хорошо законспирированную антисоветскую националистическую организацию, созданную в целях финнизации Карелии. Уровень обвинений хорошо виден из материалов дела.

В справке на арест Хмяляйнена указано, что летом 1936 года он был участником лингвистической экспедиции по Карелии, «...возглавляемой проф. Бубрих⁴ – ныне разоблаченный финский шпион и руководитель контрреволюционной организации. Эта экспедиция была использована Бубрих в целях финнизации Карелии и ликвидации в Карелии русского и карельского языков».

«Хмяляйнен, являясь помощником Бубриха, активно вел борьбу за финнизацию Карелии. В 1938 году, работая над учебниками карельского языка, Хмяляйнен в контрреволюционных целях всячески тормозил издание этих учебников, протаскивал установки врага народа Бубриха, ограничивая карельский язык до уровня первобытного». Место работы Хмяляйнена указано в анкете как «Академия наук, научный сотрудник», профессия – «лингвист», а в другой анкете

«лейквист, педагог», а национальность – «фин» (так в тексте).

17 ноября 1938 года сотрудниками НКВД Карельской АССР проведен первый допрос Хмяляйнена. С протоколом допроса он был ознакомлен 25 ноября 1938 года. Во время допроса признал себя виновным в том, что начиная с 1932 года являлся участником «буржуазно-националистической группы». Активные участники группы были якобы связаны с фашистскими кругами Финляндии – членами Карельского академического общества, под руководством которого направляли свою враждебную деятельность на отторжение Карелии от Советского Союза и присоединение её к буржуазной Финляндии.

Участником группы Хмяляйнен якобы оказался в 1932 году, когда приехал на работу в Карельский научно-исследовательский институт в качестве замруководителя этнографо-лингвистической секции.

Осенью 1933 года Хмяляйнен переехал в Ленинград и преподавал в университете вепский и финский языки. На угрофинской кафедре, по утверждению следователей, образовалась группа националистически настроенных преподавателей. В неё входили Бубрих, супруги Пальвад्रे, Юнус и Хмяляйнен. Идеологическим вдохновителем группы был Бубрих. Её участники обосновывали идею «Великой Финляндии», маскируя её идеей «Великой Карелии», что позволяло «научно обосновать» проводимую финнизацию.

Летом 1934 года в Ленинград прибыла группа специалистов из Гельсингфорсского университета для изучения вепского языка: профессора Кеттунен, Пости, Сиро – «фашисты и активные члены Карельского академического общества». С Пости Хмяляйнен встретился и позднее, в 1935 году, во время его приезда в Ленинград. На этих встречах он передал Пости отчет о деятельности буржуазной националистической группы в Карелии, в которую уже входили руководящие советские и партийные работники Карелии, в том числе Ровио и Гюллинг (но с ними лично Хмяляйнен не

³ Эти статьи УК РСФСР предусматривали уголовное наказание вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, а равно объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства Союза ССР, а при наличии смягчающих обстоятельств – лишение свободы на срок до трех лет за противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий; пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, использование национальных предрассудков масс, иную организационную деятельность, наносящую ущерб Советскому государству.

⁴ Так в тексте.

встречался). Бубрих, супруги Пальвадре и Юнус были также напрямую связаны с финскими шпионами Кеттуненом, Пости и Сиро.

Следствие УНКВД по Калининской области и НКВД Карельской АССР по делу карельских буржуазных националистов утверждало, что после разгрома финских националистов фашистской разведкой Финляндии в начале 1936 г. в Карелии была создана карельская националистическая шпионская организация, которую возглавили 2-й секретарь Карельского обкома ВКП(б) Смирнов Дмитрий Петрович; нарком просвещения Филимонов Владимир Алексеевич; редактор газеты «Советская Карелия» Савельев Петр Ефимович; научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института Хмяляйнен Матвей Михайлович.⁵ Все материалы на указанных лиц, обвиняемых в контрреволюционной и националистической деятельности, были объединены в одно следственное дело №0048.

Бывший нарком НКВД КАССР С. Матузенко, находясь в свою очередь под следствием, дал 4 июня 1939 года следующие показания: «Основанием к постановке вопроса об аресте б. 2-го секретаря обкома ВКП (б) Кар. АССР Смирнова Д.П. послужило следующее: из НКВД Калининской области был прислан сборник со вложением в него 4 или 5 показаний арестованных ответственных партийных и советских работников Калининской области. Из этих показаний явствовало, что Смирнов Д.П. приезжал в Калининскую область на партийную областную конференцию ВКП(б) и здесь на собрании образовавшейся антитовской организации дал согласие на совместную деятельность».

Арест секретаря обкома партии, депутата Верховного Совета РСФСР не мог произойти без санкции высших партийных инстанций, поэтому 1-й секретарь Карельского обкома ВКП(б) Куприянов направил служебное письмо руководителю отдела руководящих партийных органов ЦК Г.М.Маленкову. В письме указывалось, что «как второй секретарь обкома, карел, знающий карельский язык, Смирнов Д.П. занимался вопросами издания литературы на карельском языке, переводом на карельский язык политической литературы», при этом допускал ошибки, «пытаясь финнизировать карельский язык». Очевидно, утверждал послевоенный узник сталинских застенков, что это были не случайные ошибки, а «...определенная вражеская линия, так как арестованные в Калининской области буржуазные националисты сознались, что одним из методов их вражеской работы было стремление финнизировать карельский язык, сорвать преподавание

русского языка в школах». Далее следовал вывод: «На основании всех приведенных... фактов, считаю совершенно необходимым Смирнова Д.П. с работы второго секретаря немедленно снять и дать органам НКВД санкцию на арест».

Как уже отмечалось, арест состоялся в ноябре 1938 года. К этому времени следствие получило показания ряда арестованных работников партийных и советских учреждений Калининской области и Карельской АССР о том, что организация была связана с фашистской разведкой Финляндии, по указанию которой насаждала повстанческие кадры в Карелии и в национальном карельском округе Калининской области, а также готовила в 1937–1938 гг. террористические акты против тов. Сталина, Молотова, Кагановича и Андреева.

Казалось бы, цель достигнута, органам НКВД осталось принять решение об избрании конкретной «меры социальной защиты» и рапортовать партии об обезвреживании очередной банды «гносных шпионов и убийц».

Однако в работе следствия по этому делу внезапно произошли существенные изменения. В начале 1939 г. обвиняемых Хмяляйнена и Смирнова переводят в Бутырскую тюрьму (Москва), ведение следственной работы по их делу полностью перешло к сотрудникам следственной части НКВД СССР (далее – СЧ НКВД СССР), возглавляемой комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Б. Кобуловым.

Еще находясь в петрозаводской тюрьме, Хмяляйнен направил письмо на имя прокурора Карельской АССР Михайлова,⁶ которое прокуратура переправила 2 февраля 1939 г. в НКВД КАССР, а затем в апреле 1939 г. оно было переслано в СЧ НКВД СССР.⁷

Обращаясь к прокурору, Хмяляйнен отказывался от ранее данных следствию показаний, так как они были сделаны под давлением следствия, в том числе физическим. Из приемов следствия он указывал избиения, «стойку» по 60 часов подряд, угрозы расстрелом – все это заставило его признаться в шпионаже и в связях с Карельским академическим обществом. Он подчеркивал, что встречи и переписку с гражданином Финляндии Пости вел «...по согласованию с ленинградским Управлением НКВД».

⁵ Антикоски Э. Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы. // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. – Петрозаводск, 1998, С. 217.

⁶ Так в тексте, правильно – Михайлича (К.Б.)

⁷ Дата – по дате резолюции получателя 21.04.1939.

Начиная с апреля 1939 года лица, проходящие по делу либо допрошенные в качестве свидетелей, начинают отказываться от показаний, которые были сделаны ими в августе–декабре 1938 года, заявляя, что на них было оказано сильное психологическое давление. Смирнов, допросы которого проводились регулярно с ноября 1938 года, ни на одном из них виновным себя не признал.⁸ В январе 1939 года он обратился с письмом к И.В. Сталину, в апреле того же года – к Сталину и Л.П. Берии, сожалея о том, что «в течение 11 месяцев не сумел всех националистов разоблачить и они до ареста делали свое гнусное дело».

М. Хямяляйнен на допросе 7 марта 1939 года полностью опроверг ранее сделанные показания, заявив, что они были даны под давлением со стороны следствия. Он показал, что уже «...в октябре 1932 г. ...случайно оказался на собрании ЛОИКФУНа (Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народов), где резко выступил против карельской языковой политики и особенно против статьи тогдашнего секретаря обкома Ровио «Проблема национального языка в Карелии».

Он утверждал также, что подавал в 1933 году в Карельский и Ленинградский обкомы ВКП(б) и ЦК ВКП(б) докладные записки с предложениями по созданию карельского письменного языка.⁹ Хямяляйнен признал, что его «...ошибка в том, что вплоть до 1937 года... считал, что карельский алфавит надо создавать на основе русского алфавита и на основе алфавита на латинской основе, которая существовала у карел Калининской области».

По инициативе следствия были образованы две экспертные комиссии, которым предстояло сделать выводы по делу «антисоветской буржуазно-националистической группы». Первая была образована решением СНК КАССР 16 декабря 1938 года из числа научных работников и педагогов Карелии и уже к апрелю 1939 года представила акт экспертизы.

В мае 1939 года с этим документом следователь СЧ НКВД СССР лейтенант государственной безопасности А. Куприянов ознакомил заключенного Хямяляйнена. Заключенный заявил: «...представленное мне «заключение экспертной комиссии по делу антисоветской буржуазно-националистической группы» составлено экспертами, которые не знают ни финского, ни карельского языков. Митропольский, Машезерский, Алатырев и Гольдберг¹⁰ совершенно не знают вышеуказанных языков. Карачев знает только говор своего села южнокарельского наречия». Он также заметил, что «...Гольдберг по специальности лингвист-русист. Знает... еврейский и немецкий языки. Знаком с

французским языком. Ни финского, ни карельского языков не знает».

Допрошенный в качестве свидетеля 14 июня 1939 г. И. А. Гольдберг показал, что был включен в комиссию, хотя и предупреждал, что не знает карельского языка. Также он сообщил, что Хямяляйнен на работу в Карельский пединститут пришел в 1937 году. Читал лекции и вел практические занятия по карельскому языку. По словам Гольдберга, преподавание карельского языка было поставлено «в целом скверно». Лекции Бубриха... и Хямяляйнена ничего кроме путаницы не давали. «Расчет был на развал преподавания карельского языка в пединституте».

Хямяляйнен, сохраняя не только самообладание, но и чувство юмора, на допросе 14 июня 1939 года о позиции ряда чиновников от просвещения заявил: «...У меня такое впечатление, что они в Карелии ввели бы хоть французский язык, если только руководство приказало бы это сделать».

Следствие по делу явно заходило в тупик. В конце мая 1939 года помощник начальника СЧ НКВД СССР капитан государственной безопасности Аренкин вынужден был доложить начальнику СЧ комиссару государственной безопасности 3-го ранга Кобулову: «... Ни в докладной записке,¹¹ ни в процессе следствия по делу указанной буржуазно-националистической организации членораздельно не установлено, в чем же конкретно выразилось извращение карельского языка участниками этой организации и в частности Смирновым».

«Совершенно непонятно с показаниями и в отношении Хямяляйнена. Одни следственные документы указывают на то, что он извращал карельский язык. Другие документы говорят о том, что он боролся с лицами, извращающими карельский язык. Имеющееся в сл. [едственном] деле заключение экспертной комиссии¹² не отражает полной картины вредительской деятельности Смирнова и

⁸ Последние допросы Д.П. Смирнова датированы июлем 1939 года, он полностью отрицал свою вину.

⁹ СЧ НКВД СССР запрашивала 15.04.1939 г. архив Карельского ОК ВКП(б) и 09.04.1939 г. отдел науки ЦК ВКП(б) и получила ответы о том, что в указанных органах докладных записок М.М. Хямяляйнена за 1933–1936 гг. не имеется.

¹⁰ В документах дела написание данной фамилии различно: Гольдберг либо Гольденберг.

¹¹ Имеется в виду докладная записка Г.Н. Куприянова о санкции на арест Д.П. Смирнова.

¹² Состав первой экспертной комиссии: Яковлев, нарком просвещения КАССР; Карачев, ответственный редактор газеты «Советская Карелия»; Митропольский, директор Государственного педагогического института; Машезерский, директор КНИИК; Алатырев, к. фил. н., завкафедрой языкознания пединститута; Гольдберг – декан литературного факультета, доцент пединститута.

Хямяляйна, а лица, привлеченные в качестве экспертов, малокомпетентны в вопросах карельского языка. Показания арестованных участников буржуазно-националистической организации противоречивы и требуют перепроверки».

Неоднократные запросы СЧ НКВД СССР в управления НКВД КАССР и Калининской области об уточнении следственных данных в отношении Смирнова и Хямяляйна положительного решения не получили. Аренкин предложил командировать следователя Куприянова в Ленинград, Петрозаводск и Калинин для передопроса и перепроверки. В этих целях был составлен и утвержден дополнительный план оперативных мероприятий по делу.

Уже 19 июня 1939 года создается вторая экспертная комиссия в составе М. Роднянского, заместителя наркома просвещения КАССР (председатель); Ф. Чукоева, ст. редактора по учебной литературе Каргосиздата; В. Фокина, редактора научной литературы Каргосиздата; Е. Емельянова, редактора карельского текста социологической литературы Каргосиздата; Н. Богданова, ст. научного сотрудника Карельского НИИК.

Экспертная комиссия в итоге заявила о том, что в продолжение полутора десятков лет в Карельской республике открыто во всех областях проводилась явная финнизация. После разоблачения буржуазно-националистической группы в Карелии заговорили о создании литературного карельского языка. Обсуждение первого проекта провел КНИИК в декабре 1937 г. под руководством Хямяляйна. В основу был принят проект правил правописания, разработанный Бубрихом. Затем этот проект обсуждался на совещаниях при обкоме ВКП(б) в Петрозаводске под руководством Смирнова. После этого правила были утверждены Карельским обкомом ВКП(б) и окружкомом ВКП(б) Карельского национального округа Калининской области. Окончательно «Правила» были утверждены приказом наркома просвещения РСФСР 14.02.1938 г. № 214. В конце 1938 г. они были отменены, т.к. «...на их основе создавался язык, непонятный для карельского народа», и в 1939 г. разработаны новые правила правописания.

Выводы экспертной комиссии: при разработке карельского литературного языка отдавалось предпочтение формам, сходным с финскими и финской грамматикой, что привело к искажению языка и его финнизации, в частности, введено 12 падежей (в финском – 15). Названия падежей – латинские. Например, в учебнике естествознания для 3 класса, изд. 1938 года – в 96 словах «Введения» встречаются 13 непонятных слов, финских или надуманных. В VIII главе «Краткого

курса истории ВКП(б)», перевод и редактирование которого производилось под непосредственным руководством Смирнова Д.П., в 52 строчках на 1-й стр. пришлось заменить 5 финнизированных слов, финнизированные окончания в 26 словах и внести исправления в 8 словах; в учебнике арифметики Киселева для V класса в одной гранке с количеством слов 372 остались после переработки неизменными лишь 170 слов.

Таким образом, вина «...за искажение и засорение языка падает меньше всего на переводчиков и редакторов, а прежде всего на терминологическую комиссию, председателем которой являлся Смирнов Д.П. и одним из членов ее был Хямяляйн».

Главный вывод: «Исходя из того что правила правописания единого литературного карельского языка и терминология создавались при активном участии Хямяляйна и под непосредственным руководством Смирнова – экспертная комиссия, на основе всего вышеизложенного, считает их виновниками в искажении, засорении языка и фактическом срыве литературного языка для карел Карельской республики».

26 июля 1939 г. начальник СЧ НКВД СССР Б.Кобулов утвердил обвинительное заключение по делу Хямяляйна и Смирнова, которые, как следует из текста заключения, изобличены показаниями свидетелей и свою вину признали. На заключении резолюция военного прокурора от 27 июля 1939 г.: «Дело представить на обсуждение Особого совещания».

В сентябре 1939 г. постановлением прокурора по спецделам прокуратуры СССР Кокорева дело в отношении Хямяляйна, Смирнова и других было возвращено на доследование в НКВД КАССР, а заключенные Хямяляйн и Смирнов этапированы в петрозаводскую тюрьму.

В ноябре 1939 года НКВД КАССР информировало начальника секретариата Особого совещания при НКВД СССР капитана государственной безопасности Иванова о том, что следствие по делу №0048 полностью проведено СЧ НКВД СССР, доследование по делу нецелесообразно, так как никаких новых данных не даст, а «...дело после окончания следствия пролежало в прокуратуре Союза полгода, и обвиняемые, просидев 7 месяцев в общей камере тюрьмы, от своих показаний отказываются». В итоге по согласованию с Кобуловым дело было передано на рассмотрение Особого совещания.

26 февраля 1940 года прокурор СССР М.И.Панкратьев утвердил постановление, в котором говорилось:

1. Уголовное дело № 0048 по обвинению Хмяляйна М.М., Филимонова В.А., Савельева П.Е., Грибкова П.Г. в порядке ст. 204 п. «б» УПК РСФСР производством прекратить. Меру пресечения изменить, обвиняемых из-под стражи немедленно освободить.

2. Материалы в отношении Смирнова Д.П. выделить из настоящего дела, направить в Главную военную прокуратуру для объединения его и совместного рассмотрения с делом по обвинению Смирнова¹³ ... и других, проходящих по Калининской области как националистическая к.р. организация. Меру пресечения оставить прежней – содержание под стражей.

Таковы итоги дела «о карельском языке». Точнее, таковы формальные его итоги.

Имеющийся материал позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, с начала работы по делу была сформулирована конкретная цель, под неё «сверстано» всё дело. Активная стадия работы пришлась на осень 1938 года, уже тогда вызрела идея превратить на первый взгляд рядовой эпизод карательной политики государства в **показательное дело, которое должно было закончиться гласным и громким судебным процессом**. Это подтверждается рядом обстоятельств: основные обвиняемые принадлежали к национальной и политической элите – руководящие партийные и советские работники, представители науки; оперативную разработку и следствие начинали УНКВД Карельской АССР и Калининской области, однако вскоре все следствие было передано центру – в следственную часть НКВД СССР. Весь ход работы по делу курировал лично Богдан Кобулов, комиссар государственной безопасности 3-го ранга; в работе по делу были созданы две экспертные комиссии; в органах безопасности к 1938 г. был накоплен значительный опыт результативной борьбы с «национал-фашиствующими элементами». Для Карелии – это «дело Гюллинга–Ровио», или первый этап борьбы с финнизацией.¹⁴ Будь осенью 1938 года задача сформулирована по-другому, на «ограничение карельского языка до уровня первобытного» ответили бы решением тройки, тем более что прекращение рассмотрения дел тройкой в Карельской АССР датируется 16 ноября 1938 года.¹⁵

Во-вторых, 17 ноября 1939 года вышло в свет постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое констатировало, что «...массовые операции по разгрому и выкорчевыванию

вражеских элементов, проведенные органами НКВД при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры».¹⁶ В известной мере это постановление стало вынужденной реакцией на многочисленные обращения и жалобы с мест на нарушения социалистической законности. В сложившейся обстановке надо было убедительно продемонстрировать, что законность превыше всего. При этом столь же необходимо было показать, что скрытых врагов еще предостаточно, но бороться с ними советская власть будет легитимными методами. В этих условиях «дело о карельском языке» как нельзя лучше подходило для показательного судебного процесса (не надо забывать, что и этот опыт имелся, большой террор начинался не с решений троек, а с показательных процессов).

В-третьих, окончательное решение по делу следует признать достаточно редким: в 1940 году (!) освобождение целой группы граждан, длительное время находящихся под следствием, в связи с тем что «достаточных оснований для предания суду нет», по сути, означает признание их невиновности. Не свойственную тому суровому времени лояльность Фемиды можно объяснить только одним – изменением обстоятельств и, следовательно, политической целесообразностью.

То, что громкого судебного процесса не будет, стало ясно уже с момента принятия решения о передаче дела на рассмотрение Особого совещания.¹⁷ В 1940 году на повестке дня были уже совершенно другие вопросы: создание Карело-Финской ССР, вторая, социалистическая, «финнизация» Карелии, обучение руководящих советских и партийных кадров финскому языку и т.п.

Громкое дело «о карельском языке» потеряло

¹³ Дальнейшая судьба Д.П. Смирнова нам неизвестна. Один из документов позволяет судить, что в 1943 году заключенный Д.П. Смирнов отбывал наказание в одном из лагерей НКВД в Башкирской АССР.

¹⁴ Подробно о так называемой «первой» и «второй» финнизации Карелии см.: Килин Ю.М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. – Петрозаводск, 1999.

¹⁵ Чухин И.И. Карелия – 37: Идеология и практика террора. – Петрозаводск., 1999., С. 149.

¹⁶ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» //Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. Учебное пособие. – М., 1998., С. 152.

¹⁷ Особое совещание при НКВД СССР обладало правом принятия решений об административных высылках, ссылках и заключении в ИТЛ на срок до 5 лет.

свою актуальность. Открытый процесс в новых условиях был уже попросту не нужен. Это ярко подтверждает сохранившийся документ – подлинник рукописного письма первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Г.Н. Куприянова на имя прокурора Союза ССР М.И. Панкратьева.¹⁸

Документ столь важный и характерный, что полагаем возможным воспроизвести его с минимальными сокращениями:

«Дело Филимонова, Савельева, Смирнова и др. подробно изучила наша прокуратура. Все обвиняемые отказались от своих прежних показаний. Калининское дело, в котором содержатся главные обвинения против Смирнова, Филимонова, еще не разобрано. **При таком положении нет никакого смысла устраивать открытый процесс...**» (Выделено мною. – К.Б.).

«Я не знаю, насколько правдоподобны показания калининских. Считаю, что по тем материалам, которые фигурируют в деле, основания для ареста всей этой группы были достаточные. Другое дело, что показало следствие, в начале все они сознались в контрреволюционной деятельности, сейчас отказались от показаний как в отношении себя, так и в отношении других, на которых ранее давали показания».

«Я не знаю, как поступают в таких случаях. **Я считаю только одно, что политически нецелесообразно судить их здесь и открытым процессом.**» (Выделено мною. – К.Б.).

Полностью ли невинны они? Я бы так не сказал! В какой-то степени они были заражены ядом бур-

жуазного национализма и в практике проводили линию в противовес ленинско-сталинской национальной политике. Другое дело, как они это делали: по прямому заданию к/р организации (это как раз недостаточно доказано) или были слепым орудием в руках врагов.

Одним словом, вопрос стоит так: или судить на особом совещании, или освободить.

Куприянов, 1940 г.»

Таким образом, «дело лингвистов» продемонстрировало, что в обстановке тоталитарного государства к специалистам любой дисциплины, особенно гуманитарной, могут быть предъявлены политические обвинения. А кроме того, судьбы некоторых участников дела, в частности первого секретаря ОК, а затем ЦК Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянова, напоминают, что преследователи невинных могут сами в такой политической системе легко превратиться в обвиняемых.

¹⁸ Причины наличия в деле №0048 подлинника письма неясны. Возможно, что письмо не было отправлено либо отправлен машинописный, то есть отпечатанный, экземпляр, а подлинник приобщен к делу.

Константин Федорович БЕЛОУСОВ

родился в 1957 году в Вологде.

С 1983 года живет и работает в Петрозаводске.

Окончил исторический факультет

Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова.

С 1986 по 2002 год – в органах безопасности СССР и России.

Подполковник.

Преподает в ПетрГУ на юридическом факультете.

Более 20 лет профессионально занимается

историей отечественных спецслужб.

Автор 15 научных публикаций, один из авторов и научный редактор книги «Органы безопасности Карелии. 1918–2008.

Исторические очерки. Воспоминания. Биографии» (Петрозаводск, 2008).

Совтор книги «Судьба страны. Судьба чекистов.

Из истории органов безопасности Республики Карелия» (Петрозаводск, 2012).

В журнале «Север» публикуется впервые.

